

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ • READING ROOM

Рецензия • Review

А. К. Голованова

Советский самиздат и сообщества: неподцензурные образы будущего

Рецензия на: Komaromi, Ann. *Soviet Samizdat: Imagining a New Society*. Ithaca: Cornell University Press, 2022. xv + 297 p.

Голованова Анастасия Константиновна

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук,
лаборатория книговедения, сектор самиздата и нетрадиционной печати
ул. Восход, 15, Новосибирск, 630102, Россия,
младший научный сотрудник
ORCID: 0009-0007-6659-7240
e-mail: anastasiya.golovanova_spsl_nsc@mail.ru

Для цитирования: Голованова А. К. Советский самиздат и сообщества: неподцензурные образы будущего // Книга. Чтение. Медиасреда. 2024. Т. 2, № 4. С. 327-331. <https://doi.org/10.20913/BRM-2-4-8>.

Рецензия поступила в редакцию 01.11.2024

Получена после доработки 14.11.2024

Принята для публикации 12.12.2024

© А. К. Голованова, 2024

A. K. Golovanova

Soviet Samizdat and Communities: Uncensored Images of Future

Review: Komaromi, Ann. *Soviet Samizdat: Imagining a New Society*. Ithaca: Cornell University Press, 2022. xv + 297 p.

Golovanova Anastasiya K.

State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Sector of Samizdat and Non-Traditional Printing,
Voskhod st., 15, Novosibirsk, 630102, Russia,
Junior Researcher
ORCID: 0009-0007-6659-7240
e-mail: anastasiya.golovanova_spsl_nsc@mail.ru

Citation: Golovanova A. K. Soviet Samizdat and Communities: Uncensored Images of Future // Book. Reading. Media. 2024. Vol. 2, No. 4. P. 327-331. <https://doi.org/10.20913/BRM-2-4-8>.

Received 01.11.2024

Revised 14.11.2024

Accepted 12.12.2024

Анна Комароми (Ann Komaromi) – одна из ведущих исследовательниц советского самиздата «классического периода» (с секретного доклада Хрущева до начала перестройки), более двух десятилетий занимающаяся систематизацией источников и теоретическим изучением вопроса. Интерес А. Комароми к неподцензурной культуре позднего СССР возник еще в университете, на занятиях у литературоведа-структуралиста, эмигранта Ю. К. Щеглова, участника знаменитого московского семинара А. К. Жолковского – Е. М. Мелетинского (Гаспаров, 2006). Несмотря на то что А. Комароми со временем отошла от чисто литературоведческих исследований в сторону междисциплинарности, а в силу принадлежности к более молодому поколению гуманитариев придерживалась скорее постструктуралистской парадигмы, ее интерес к неподцензурной литературе, а также внимание к поэтике и стилю остались неизменными. Основными итогами многолетней работы стали обширный каталог Университета Торонто Soviet Samizdat Periodical Database (база данных советского периодического самиздата)¹, содержащий факсимильные копии журналов, уникальные интервью с самиздатчиками, хронологию диссидентского движения; печатная версия каталога, подготовленная совместно с Г. В. Кузовкиным; серия статей о самиздате, посвященных разным аспектам явления и подходам к нему: от «экстрагугенберговского» способа производства до роли самиздата в социальном поле позднего СССР; две монографии: *Uncensored: Samizdat Novels and the Quest for Autonomy in Soviet Dissidence* (Evanston, 2015) («Без цензуры. Романы самиздата и поиск автономии в советском диссидентстве» (версия перевода из НЭБ)) и *Soviet Samizdat: Imagining New Society* (Ithaca, 2022) («Советский самиздат: воображая новое общество»).

Уже в названиях монографий заданы различные векторы исследования. В более ранней книге А. Комароми рассматривает хождение в самиздате трех романов: «Ожог» Василия Аксенова, «Пушкинский дом» Андрея Битова, «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева. На примере этих произведений исследовательница анализирует становление «диссидента как субъекта» (dissident subject), размывающего границы между частной и публичной сферой, а также воплощение диссидентских ценностей в авангардной литературе, противоречащей принятым культурным нормам и вступающей с ними в конфликт. А. Комароми предупреждает исследователей от излишней психологизации или мифологизации диссидентства, свойственной как советским властям, так

и американско-европейским исследователям и СМИ, однако останавливается именно на этом термине как на обобщающем для тех, кто был вовлечен в культурную и активистскую деятельность в поисках социальной автономии (Komaromi, 2015, p. 8).

Во второй монографии фокус исследования заметно смещается. При сохранении внимания к субъекту истории автор отказывается от форсирования термина «диссидентство», критикует вслед за историком и архивистом В. А. Козловым существующую историографию за излишний «диссидентоцентризм» и предлагает вместо этого обратиться к андерграунду как полю исследования, а также к изучению практик «обычных» самиздатчиков: авторов, издателей, распространителей, читателей самиздата (Komaromi, 2022, p. 7–14). Отказавшись от литературоцентричности предыдущей книги, А. Комароми все же активно использует художественный материал как свидетельство эпохи и отражение ее субъектов наравне с документальными свидетельствами. Она расширяет базу основных источников с нескольких известных произведений до многочисленных периодических изданий, найденных в 18 архивных собраниях восьми стран и в частных коллекциях, а также обращается к более широкому кругу гуманитарных теорий: исторических и историко-философских, социологических, культурологических, литературоведческих, чтобы ответить на вопрос о том, как самиздат мог влиять на «социальное воображаемое».

«Социальное воображаемое» – термин, введенный в научный оборот философом Ч. Тейлором: А. Комароми ссылается на него в подзаголовке, подчеркивая значимость этой теории в полифонии теоретических оснований. По определению Ч. Тейлора, «социальное воображаемое» – это комплекс представлений некоторой группы людей о нормах поведения и о потенциально идеальном состоянии общества (Taylor, 2004, p. 23–24). Эти представления могут быть не артикулированными или косвенно зависимыми от бытующих теорий, однако именно они определяют повседневные практики. Социальное воображаемое напрямую связано с печатными медиа, которые позволяют индивидууму почувствовать общность с незнакомыми людьми и принадлежность к сообществу незнакомцев. В случае самиздата эта принадлежность зачастую означала как издание, так и чтение текстов – распределение ролей шло вразрез с привычным «коммуникативным циклом» Р. Дарнтона (Komaromi, 2022, p. 9–10; Березняков, Козлов, 2023, с. 129–134), что стало отличительной чертой социального пространства, возникшего вокруг самиздата.

А. Комароми подчеркивает, что самиздат влиял в первую очередь на «социальное воображаемое» и лишь косвенно – на политическую реальность.

¹ Samizdat periodicals // Project for the study of dissidence and samizdat : website / University of Toronto Libraries. URL: <https://samizdat.library.utoronto.ca/samizdat-periodicals> (accessed 30.09.2024).

Самиздат имел хождение в тоталитарную эпоху, когда государство стремилось сделать свое присутствие абсолютным, подавляя возможность независимого высказывания, не только политического, но и научного, художественного и т. д. Многие надеялись на то, что самиздат станет ключом к общественным переменам, однако этого не случилось. Целью самиздатчиков в большинстве случаев не было свержение советского режима. Самиздат давал возможность распространять различные идеи и разрушать монополию государства на эпистемологическое поле, в том числе и на знание об истории и на «социальное воображаемое» в целом, при этом стратегии не сводились к прямой оппозиции или мимикрии. Таким образом формировалось сообщество читателей, многие из которых не искали прямого столкновения с режимом и не претендовали на роль диссидентов, но подрывали идеологическое единство, которое стремилась установить коммунистическая партия (Komaromi, 2022, p. 1–3).

Именно сообщество как сеть связей находится в центре внимания А. Комароми. Вслед за Александром Даниэлем она определяет самиздат как «способ бытования текста» (Komaromi, 2022, p. 5), который в своей децентрализации целиком зависит от людей, принадлежащих различным сообществам: политическим, художественным, научным, философским, национальным или определенным лишь хождением самиздата. Субъект в дореволюционной России и затем в СССР, согласно политологу и экономисту О. В. Хархордину, на которого ссылается исследовательница (Komaromi, 2015, p. 4–5), не существовал в форме индивидуализированной, погруженной в частную жизнь личности, описанной в европейской культуре, а всегда стремился к преодолению сепарации и растворению в надличностном единстве. Отделение частной сферы от публичной парадоксальным образом произошло во время правления Сталина, когда строгие протоколы поведения в общественном пространстве, поддержанные «работой над собой» как частью коллектива и бдительным наблюдением за другими (Kharkhordin, 1999, p. 231–278), способствовали отмежеванию закрытого приватного мира субъекта. После смерти Сталина возникли и новые сообщества как ответ на новые условия публичной сферы, в том числе на переосмысление культа личности, которые подталкивали «группы альтернативной общественности», или «контрпублику» (counterpublics) (Warner, 2002), по-новому воображать будущее. Самиздат стал ключевым способом конструирования свободного субъекта, причем в первую очередь как адресата, которого невозможно описать набором характеристик, но можно узнать о нем, проанализировав текст: не только его содержание, но и поэтику,

и особенности медиа. Все эти факторы в совокупности определяли циркуляцию текста, хотя «воображаемый» и реальный адресат не могли полностью совпадать. Три основополагающих для исследования А. Комароми теоретических аспекта – социологию, литературоведение, теорию медиа – позволила объединить теория «общественности и альтернативных групп общественности» М. Уорнера (Warner, 2002, p. 50, 81).

Для исследования «социального воображаемого» сообществ А. Комароми в книге *Soviet Samizdat: Imagining a New Society* акцентирует значимость «высказывания истины» (truth-telling) (Komaromi, 2022, p. 9), о которой в связи диссидентами подробно писала Б. Мартин (Martin, 2019, p. 3). Если различные «истины» диссидентов или – шире – «истины» внутри любых сообществ могли быть субъективными и вступать в противоречие друг с другом на фактологическом уровне, то как моральный жест попытки «высказывания истины» расправлялись и самими диссидентами, и государством однозначно: как сопротивление государственной монополии на «воображаемое». Такая позиция противоречит авторитетной «перформативной» интерпретации позднего СССР, предложенной антропологом А. В. Юрчаком, согласно которой выхолащивание официальных практик приводило к их травестированию, и сообщества могли возникать на основе схожих приемов обращения с официальным дискурсом (Юрчак, 2021, с. 71–79). Такая интерпретация индифферентна к оппозиции «правда – ложь», ключевой для сообществ в трактовке А. Комароми. В рамках своего исследовательского подхода А. Комароми на основе художественных текстов, а также документальных свидетельств восстанавливает ту «истину», то есть ценности и убеждения, которые объединяли сообщество и приводили к его конфронтации с официальным дискурсом. Вследствие этого текст изобилует оценочными суждениями, однако в значительной части случаев они вписаны в контекст исследования как позиция определенного сообщества.

Теоретические основания работы заданы преимущественно во введении и дополнены в четырех главах, построенных вокруг метафор: исторического Я, голоса, времени и пространства. Книгу завершает заключение «Самиздат и противоречия советского модернизма». Каждая глава (иногда подраздел главы) имеет следующую структуру: за краткой теоретической и исторической справкой, задающей контекст, следуют углубленные тематические исследования (case studies), чаще всего посвященные конкретному изданию, личности или историческому сюжету. Выводы в конце главы не только суммируют сказанное, но и предвосхищают материал следующей главы, а также, вопреки привычной структуре научных работ, могут содержать

идеи, не высказанные ранее. К работе прилагается список советских периодических изданий, бытовавших в самиздате в 1956–1986 гг.

В первой главе – «Самиздат и историческое Я» – теоретические размышления о «публике», «социальном воображаемом» и субъекте рассмотрены в историческом контексте и более детально, чем во введении. Оттепель принесла с собой не только транслируемую государством возможность пересматривать прошлое и таким образом переосмыслять будущее, но и ощущение исторической травмы, влекущей за собой желание дистанцироваться и от государства, и от еще недавно актуальных представлений о субъекте истории. Это способствовало, с одной стороны, переосмыслению воображаемой аудитории, иногда вплоть до невозможности ее помыслить, а с другой – попытке восстановить и сохранить утраченную историю через обращение ко множеству голосов, в том числе к моральным авторитетам досоветского прошлого. Одной из попыток собрать свидетельства и реконструировать историю стал журнал «Память». Особое внимание в главе уделено самиздату крымских татар как примеру национального самиздата, служащего для сообщества не только способом сохранить историческое наследие, но и возможностью озвучить актуальные проблемы и выстроить собственную идентичность в условиях враждебности государства.

Во второй главе – «Голос правды в самиздате» – подчеркнуты два аспекта самиздата. С одной стороны, его материальность – хрупкая, ненадежная, угрожающая утратой текста, но парадоксальным образом уязвимостью материальной оболочки свидетельствующая о ценности напечатанного или записанного. С другой стороны – метафора голоса, указывающая на уникальную поэтику, тональность, присущую отдельной личности или сообществу, противопоставляющую его «общему голосу» официального дискурса. В качестве иллюстрации А. Комароми использует произведения Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Александра Солженицына, которые подробно комментирует с точки зрения стиля, обстоятельств их написания и циркуляции. Исследовательница обращается и к периодическому самиздату: литературному – главным образом на примере журнала «Тридцать семь» – и религиозному (баптистскому), поскольку в нем ярко проявлен уникальный для баптистского сообщества наполненный библейскими аллюзиями эмоционально насыщенный стиль.

Третья и четвертая главы – «Воображая время в самиздате» и «Общественные пространства самиздата» – составляют неразрывное единство, поскольку они являют две грани хронотопа, по М. Бахтину (Komaromi, 2022, p. 82–83). Время

самиздата как печатной продукции, проанализированное А. Комароми в третьей главе, не подразумевает устойчивую периодичность, как в случае с официальной печатью, поскольку вследствие различных факторов журналы в самиздате выходят нерегулярно. В более широком смысле многообразие голосов в самиздате отражает противопоставленное гегельянскому и марксистскому видению истории «гетерогенное время современности», то есть взаимодействие различных традиций с неповторимым представлением о времени, изменяющем повседневные практики – будь то цикличное время православия, авангардная ориентация на будущее или актуальное настоящее правозащитников.

Как и время, пространство понимается одновременно буквально и метафорически: как местоположение сообщества, подразумевающее определенную циркуляцию самиздата, а также как публичная (или «контркультурная») сфера, своеобразное пространство дискуссии, в котором могли прозвучать вытесненные из других пространств голоса. А. Комароми рассматривает правозащитный самиздат Украины, Литвы, а также самиздат советских евреев, указывает на особенности этих изданий по сравнению с московскими и ленинградскими правозащитными бюллетенями. В четвертой главе рассмотрены также отношения самиздатчиков с властью, далекие от привычного противопоставления официальных пространств и подполья.

Книга отличается живым, не всегда строго академичным стилем, более характерным для англо-американской, чем для русскоязычной гуманитарной традиции; при этом она не теряет научной ценности за счет обширной источниковой базы, четко выстроенной логики и многочисленных ссылок на современные исследования. Подход А. Комароми, ориентированный на сообщества, а не на мифологизированные индивидуальности, оригинален акцентом на «правдоговорении» как основе самиздатской деятельности, предлагающей эпистемологические и стилистические альтернативы официальному дискурсу без прямой конфронтации со структурами власти. Поскольку работа изначально рассчитана на англоязычную аудиторию, хорошо знакомые русскоязычному читателю хрестоматийные явления, примеры, идиомы – такие как ввод советских войск в Чехословакию, дело о тунеядстве Иосифа Бродского, «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, принудительный отказ Бориса Пастернака от Нобелевской премии, культ личности, «поколение дворников и сторожей», «писать в стол» – требуют дополнительного пояснения. Это создает эффект отстранения и одновременно «насыщенного описания» исторических явлений, художественных и нехудожественных текстов, что способствует

эксплицитной выраженности оттенков интерпретации и вследствие этого более полному пониманию отдельных исторических событий как цельной символической и семиотической системы. В то же время с хрестоматийными примерами соседствуют уникальные архивные находки, а также мемуарные свидетельства и фрагменты интервью. Совмещение интердисциплинарного подхода, взгляда из иноязычной научной традиции, тонкого анализа, обращения к актуальным проблематикам сообществ, медиа и «частной» истории – все это делает монографию *Soviet Samizdat: Imagining a New Society* интересной специалистам по самиздату, историкам и литературоведам, широкому кругу читателей.

Рецензия подготовлена по плану НИР ГПНТБ
СО РАН, проект «Трансформация книжной
культуры в социальных коммуникациях
XIX–XXI вв.» № 122041100088-9

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликтов
интересов, требующих раскрытия
в этой рецензии.

Список источников / References

Березняков Д. В., Козлов С. В. Переоткрывая классику: модель коммуникативного цикла Роберта Дарнтон // Научные и технические библиотеки. 2023. № 11. С. 121–140 [Bereznayakov DV and Kozlov SV (2023) Rediscovering classics: Robert Darnton's communications circuit. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 11: 121–140. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-11-121-140>.

Гаспаров М. Л. Семинар А. К. Жолковского – Е. М. Мелетинского: из истории филологии в Москве 1970–1980-х гг. // Новое литературное обозрение. 2006. № 1. С. 113–125 [Gasparov ML (2006) Seminar by A. K. Zholkovsky and E. M. Meletinsky: from the history of philology in Moscow in the 1970s and 1980s. *Novoe literaturnoe obozrenie* 1: 113–125. (In Russ.)].

Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / пер. с англ. Москва: Новое литературное обозрение, 2021.

Kharkhordin O (1999) The collective and the individual in Russia: a study of practices. Berkeley: Univ. of California Press.

Komaromi A (2022) Soviet samizdat: imagining a new society. Ithaca: Cornell Univ. Press.

Komaromi A (2015) Uncensored: samizdat novels and the quest for autonomy in Soviet dissidence. Evanston: Northwestern Univ. Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv4cbh52>.

Martin B (2019) Dissident histories in the Soviet Union: from de-Stalinization to Perestroika. London: Bloomsbury Academic. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350106826>.

Taylor C (2004) Modern social imaginaries. Durham: Duke Univ. Press.

Warner M (2002) Publics and counterpublics. *Public Culture* 14 (1): 49–90. DOI: <https://doi.org/10.1215/08992363-14-1-49>.